

ГЛЕБ БУТУЗОВ
ПРИНОШЕНИЕ
ГЕРМЕСУ

TERRA
FOLIATA

Глеб Бутузов

Приношение Гермесу

«Терра Фолиата»

Бутузов Г.

Приношение Гермесу / Г. Бутузов — «Терра Фолиата»,

ISBN 978-5-87456-988-4

Алхимия, магия и астрология – таковы дары, принесённые тысячелетия назад человечеству вестником богов Гермесом, прозванным за свои познания Триждывеличайшим. Веками герметическое учение служило путеводной нитью смельчакам, решившим отправиться на поиски сияющего Философского Камня, Золота Мудрецов, своего истинного Я, дабы обрести в конце пути утраченную некогда Божественность. От древнего бога мудрости ведут своё начало тайные науки египетских жрецов и арканы средневековых алхимиков, секреты символизма Таро и эзотерическая доктрина музыки. Обо всём этом, а также о многом другом повествует на страницах своей книги известный исследователь герметизма и переводчик алхимических текстов Глеб Бутузов. Читатель познакомится с основами алхимии, узнает об истинном смысле жертвоприношения и сути инициатического измерения свободы. Автор расскажет об особенностях индивидуального и коллективного Пути и о том, как ещё возможно получить посвящение в современном мире. Ведь несмотря ни на что время странствующих рыцарей ещё не прошло и вечно юный бог с кадуцеем и в крылатых сандалиях, покровитель магов, готов сопровождать достойных в их путешествии к Неведомому.

ISBN 978-5-87456-988-4

© Бутузов Г.
© Терра Фолиата

Содержание

Предисловие	6
Orsa Alchemica	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глеб Бутузов
Приношение Гермесу. Основы
алхимического мировоззрения

Приношение Гермесу. Основы алхимического мировоззрения. – Москва-Воронеж:
TERRA FOLIATA, 2011. – 216 с.

© Глеб Бутузов, 2011

© TERRA FOLIATA, 2011

* * *

Предисловие

Во времена, когда высокий профессионализм уравнивается повальной некомпетентностью, трудно отыскать достоверное знание в области, где высокомерие и преклонение перед авторитетом в равной степени неуместны. Искатель, привлечённый зовом или чарующей мелодией своего внутреннего пространства, во внешнем пространстве сталкивается с тысячей полок, заставленных тысячами книг, каждая из которых обещает удовлетворить влечение, но не способна это сделать. Если искатель неумел, количество книг растёт, обещания, заключённые в них, усиливаются вместе с его жаждой, становясь щедрее. Искатель хватается за самую щедрую книгу и горько разочаровывается, потому что сталкивается с самим собой, бедным и алчущим. Умелому искателю достаточно нескольких своевременно открытых книг, одна из которых, мы смеем надеяться, находится перед ним.

Книга называется «Приношение Гермесу». Первое слово в названии указывает нам на отношение автора к своему труду; второе – на адресата. И это – не читатель, а бог в крылатых сандалиях, лукавый покровитель путников, разошедшихся по земле в поисках небесных примет. Читатель, если пожелает, может стать попутчиком автора, взявшегося совершить приношение тому, кто сам способен взять всё без спросу. Ироничный бог, безусловно, оценит этот герметический жест автора, не ищущего выгоды и признания – приношение себе, однако совершающего приношение Гермесу в полном соответствии с той бескорыстной традицией, введение в которую и представляет эта книга.

Но, прежде чем читатель продолжит путь с автором, следует сказать несколько слов об особенностях этого пути. Стойким заблуждением является представление о том, что герметическая философия, магия и алхимия касаются сфер, далёких от реальной жизни. Так заблуждаются, и те, кто вовсе не считают наш предмет достойным внимания, полагая его лженаучным, и те, кто рассчитывают с помощью него приобщиться к неким тайным древним знаниям, доступным лишь избранным в среде избранных. И хотя Царское Искусство принадлежит немногим, касается оно вполне бытовых вещей, в то же время, ускользая от общепринятого способа их мыслить. Дело в том, что, познавая предмет, мы, обычно, теряем к нему интерес, возвышаясь относительно него в собственных глазах, и, наоборот, относимся почтительно и заискиваем, когда предмет поражает нас загадочностью и сложностью. В первом случае, мы убиваем ценное в предмете, во втором – наделяем предмет не принадлежащей ему ценностью. Такое познание превращает любое знание, или в набор банальностей, или в площадку для демонстрации спеси. Герметический способ мыслить является движением в противоположном направлении, он оживляет банальное и воссоздаёт предмет в жизненной силе и истине, демонстрируя жертвенность. Поэтому, если читатель, мало знакомый с герметической философией, начнёт искать в ней секрет изготовления золота и удовлетворять прочие утилитарные интересы, он с самого начала ничего не поймёт, поскольку будет иметь совсем не подходящий для этого способ мыслить. И по той же причине ничего не поймёт в герметической философии читатель хорошо знакомый с ней, если он почитает небанальным только то, что ещё не вошло в его «алхимическую коллекцию».

Обозначенный нами общепринятый способ мыслить часто упоминается автором в контексте «современной парадигмы» или «современного научного мировоззрения» и противопоставляется герметико-алхимическому учению. Для того чтобы у читателя не сложилось впечатление, будто автор отрицает науку и современность как таковые, следует различать собственно науку, представление о ней в научной среде и представление о ней современного обывателя, а также понимать, что речь идёт о разнице подходов. Обыватель привык воспринимать научные достижения и открытия как триумф образа мыслей, к которому он, якобы, имеет причастность. Однако, если он возьмётся высказать свои соображения по поводу научных проблем в

научной среде, то вызовет лишь смех и недоумение. Но и от научной среды ещё очень далеко до научных открытий, которые делаются, как известно, людьми неординарными по отношению к ней. Затасканная тема так называемой гениальности великих учёных мешает нам разглядеть очевидный факт: подлинная наука и научное мировоззрение – это совершенно разные вещи.

Так в чём же состоит особенность современного научного мировоззрения, диктующего нам свой способ мыслить? Можно обозначить его как движение от простого к сложному, при котором простое воспринимается, как менее совершенное, теряющее ценность и интерес, а сложное – как более совершенное, заключающее ценность и интерес. То же самое, но с другой стороны, оказывается сведением к простому. Соответственно, как только сложное раскладывается на простое, оно тут же перестаёт быть интересным, актуальным, востребованным, то есть, теряет свои первоначальное качество и ценность. Но что значит разложить на простое? Это значит обнаружить такую систему однозначных соотношений, в которой, в перспективе, исчезают, и объект, и субъект. И тогда, на практике, вместо, например, любви, мы имеем набор химических реакций. Если бы такое разложение совершалось без потерь (герметический путь), то мы бы не испытывали никакого разочарования по этому поводу, химические реакции содержали бы в себе всё то, что мы имеем в любви. Но мы, всё же, испытываем разочарование, ведь химические реакции для нас просты и менее совершенны. При этом некоторых из нас удивляет, как какой-нибудь учёный умудряется находить радость в изучении скучных химических реакций, а дело просто в том, что пространство индивидуального взаимодействия, в котором он их производит, оказывается более герметичным, чем наше, в нём меньше качественных потерь. Здесь мы и вступаем на землю алхимии.

Разумеется, в жизни учёных, поэтов, музыкантов, художников, героев и представителей любых других видов деятельности, в которой может быть осуществлён творческий акт, случается прорыв в герметическом направлении, но он редко осознаётся ими в самостоятельном русле герметической традиции. Герметическая практика, если это сознательный путь, требует полной самоотдачи и совершается непрерывно, в том числе и во сне, в течение всей жизни и в отношении всех вещей, с которыми сталкивает жизнь. Движение от простого к сложному тоже составляет предмет герметики, но в обратном по сравнению с научным мировоззрением ключе. Простое – это Единое, а сложное – его манифестация. Единое, становящееся Многим – ключевой момент Делания, поскольку возвращает алхимика к началу Творения, где он воссоздаёт себя заново. Простое здесь не может потерять ценность, иначе потеряет ценность всё остальное. Но и всё остальное не может потерять ценность, потому что тогда потеряет ценность простое. Иными словами, мы лишим смысла манифестацию, сведя её к Единственному, и обесмыслим Единое, сведя его к собственной манифестации. Сила, заключённая в потоке манифестации или эманации Единого называется Меркурием. К Меркурию прибавляются Сульфур, как индивидуация, и Соль, как её носитель. Эти трое составляют Материю Делания, данную нам в загрязнённом состоянии и нуждающуюся в очищении. Они присутствуют во всех вещах и событиях, условно называемых внутренними или внешними по отношению к субъекту, хотя такое деление для герметической философии вовсе не является принципиальным, но различать в чистоте Меркурий, Сульфур и Соль – задача весьма трудная. Здесь мы предоставляем читателю водительству автора, который является редким примером проводника, заслуживающего доверия в этой области.

Необходимо учесть, что, хотя герметическая философия и алхимия используют строгий язык, этот язык не создаёт фиксированной системы понятийных догм или инструкций, которые можно было бы расшифровать, или без потерь перевести на другой язык, или научить им любого желающего. Читатель уже догадывается, что это связано со спецификой способа мыслить, принятого в герметике. Для неё нет, ни идеального, ни реального, ни материального, ни виртуального, ни духовного, ни современного, ни традиционного, ни плохого, ни хорошего, как законсервированных понятий. Понятия создаются самим практикующим на основе опыта,

который он получает в процессе Делания, а вовсе не перенимаются в готовом или привычном виде. Напротив, готовые привычные понятия, впитанные, что называется, с молоком матери, следует разрушить, причём, можно это сделать, и с помощью анализа, и с помощью вдохновения, тем более что анализ и вдохновение не являются готовыми методами для алхимика, так как в основе своей подвергаются тем же операциям, имеющим в алхимии свои специальные обозначения. И, действительно, это, зачастую, именно обозначения, знаки, символы, образы, а не слова. За выращенными на земле или сотворёнными в огне собственной души понятиями, тянутся вверх заново созданные структуры смыслов: обычная вода – вода, текущая вниз; обычный огонь – вода, текущая вверх, и, таким образом, мы начинаем уже говорить о совсем другой воде, Меркурии философов, двояко растворяющем грубое. Он разрушает привычные понятия и вымывает грязь рыхлой Земли; он создаёт поэзию и облагораживает огнём твёрдые Металлы. Взятые из обычной жизни и языка, привычные понятия преобразуются вместе с Делателем, и затем, преображённые, фиксируются им с помощью подходящего, то есть, алхимического языка.

Итак, если мы брезгуем вещами нашего мира, находим их банальными, то это только потому, что мы не в состоянии облагородить их, пользуясь нашим Меркурием. Да и как можно облагородить то, к чему боишься даже притронуться. Камень философов часто лежит в грязи или выставлен всем на потребу. Современные драконы прячутся под масками повседневных обязанностей, бытовой лжи, рутины, мелких страхов, привязанностей, дел, которые вечно остаются на потом... И, поистине, современный человек предпочитает мечтать о сражениях с драконами, нежели браться за сражения с ними в своей повседневной жизни. Поэтому героев, по-прежнему, единицы. Наблюдая себя со стороны в зеркале этого мира, мы видим, как скверно то, что находится ближе к нам и более подвластно нашей воле; затем мы расширяем обзор, уходим за пределы грязного города куда-нибудь в неосквернённые ещё леса, видим чистые реки, моря и, ещё дальше, планеты, верно свершающие свой ход, которые, если мы обратим внимание в глубину, оборачиваются столь же постоянными и непримиримыми металлами, а за ними – звёздную твердь и центр земли. Устремляясь до конца в пространство вселенной, мы, наконец, оказываемся в точке, откуда брошен наш взгляд, и это самое неподвластное нам место.

Мы связаны с ближайшими вещами и смыслами, которые легко поддаются воздействию разделяющей и соединяющей их воли. Здесь у нас, обычно, царит беспорядок, но и порядок легко достигим. И мы фундаментально связаны с планетами и металлами нашего единого мира, где порядок начинает составлять нашу судьбу без участия нашей воли, а беспорядок мог бы уничтожить основу нашего пребывания в этом мире, наше тело, да и сам мир. Вот почему алхимик, работая с металлами, преодолевает власть небесных сфер и судьбы, возвращаясь к себе, оплодотворённому ими и оплодотворившему их. И вот почему путь алхимика столь опасен и может закончиться саморазрушением. Есть и другие «порядки», в которых обретается Материя Делания: природа повелевает нам спать, тем самым, каждый раз совершая в нас операцию растворения, но мы редко сознаём то, что именно оплодотворяет нас в этом сугубо личном опыте; природа повелевает нам стареть, фиксируя наш дух и психику и, в то же время, растворяя жизнь нашего тела, делая его формы более сухими и точными, либо, наоборот, размытыми и дряблыми, в зависимости от того, как проявлен Меркурий. И во всех этих порядках призван действовать алхимик, чтобы спасти себя.

Мы не смеем более задерживать читателя вводными рассуждениями и предоставляем его водительству автора, который совершит с ним путешествие значительно более далёкое и богатое. Книгу стоит читать в порядке оглавления, поскольку то, что создано герметическим автором позже, призвано лучше разъяснить то, что было создано раньше. Начнём с кроткой и целомудренной повести *Orsa Alchemica*.

Целестин

Orsa Alchemica

Герметическая повесть

*Sous le feu du soleil, à la lueur de l'ourse,
Le pèlerin gravit des sentiers sourcilleux.
Mais, parvenu enfin au terme de sa course,
En un jardin secret, il trouvera la source,
La grenade et la rose et le temple d'un dieu.¹*

Claude Lorrey

I

Мистер Абрахам, преподаватель статистики в Лондонском университете, а также втайне страстный алхимик (двуликий Янус нашего «я» иногда демонстрирует удивительные сочетания), сидя за письменным столом у себя дома и отодвинув в сторону клавиатуру компьютера, уже около получаса обдумывал послание студенту, на удивление ясно мыслящему молодому человеку, который этим утром отличился тем, что, рассуждая о статистических методах, упомянул алхимию в качестве аргумента, каковой, по его мнению, свидетельствует в пользу их ограниченности. Негромкий смешок пронёсся по аудитории; студент смутился и, скомкав своё выступление, сел на место. Мистер Абрахам, как и положено опытному преподавателю, сгладил неловкость сарказмом, недостаточно едким всё же, чтобы задеть самолюбие студента, и без лишних слов перешёл к новой теме. Однако с того момента на душе у него было беспокойно; в голове, произносящей лекцию с привычностью рук, занятых вязальными спицами, крутилось множество разнообразных мыслей, словно поднятые ветром осенние листья. Самым большим красным пятиугольником, конечно, была мысль, что налицо все признаки невозможного: в Лондоне, онтарийском городке на триста пятьдесят тысяч жителей, ему встретился человек, который демонстрирует знакомство с древним искусством и явно имеет предпосылки к тому, чтобы рано или поздно стать его последователем. Эту мысль хороводом окружали мысли помельче и менее приятные: как в таких обстоятельствах поступить ему, Абрахаму? Имеет ли он полномочия – да и желание – помочь молодому человеку? В герметическом мире не бывает менторов и учителей, есть только родственные души: все идущие – братья друг другу, дети Гермеса, а также того, в ком наиболее полно Гермес воплотился. Пожилой преподаватель привык жить размеренно и отчуждённо и не был готов к появлению взрослого сына, который к тому же не знает об этом и неизвестно как воспримет заботу, проявленную посторонним. С другой стороны, нельзя оставить без внимания неосторожные слова молодого человека, не сознающего, что подобные идеи следует держать при себе или как минимум не высказывать их в академическом сообществе, поскольку результатом такого поведения будет лишь слава «странного малого» и проблемы с трудоустройством. Кроме того, несмотря на обнадеживающую перспективу, в своём понимании герметизма этот студент всё ещё цепляется за крюки и верёвки современного научного видения мира, да и саму алхимию считает «прикладной наукой»... Мысль остановить его после окончания лекции, чтобы изложить свои соображения на этот счёт, была тут же отброшена профессором, поскольку он не имел ни малейшего пред-

---

¹ Пусть Солнца огонь и Медведицы светВедут пилигрима в таинственный сад,Тропинкой крутой, где теряется след,Но, путь совершив, он откроеет секрет,Источник и розу, и храм, и гранат.Клод Лорреи (Пер. Юрия Целищева).

ставления, как начать разговор, и чувствовал, что может отпугнуть молодого человека неожиданными откровениями. Так было принято решение подготовить письмо, однако что именно писать и даже как обратиться к студенту, он пока не знал. Пытаясь нацарапать засохшим пером на чистой библиотечной карточке рожицу, мистер Абрахам пришёл к выводу, что обращаться к студенту по имени в данном случае было бы неуместно, поскольку эта тема не имеет отношения к университетским занятиям, и предполагаемое послание, по сути, не будет написано от имени преподавателя. Кроме того, о чём следует сказать в первую очередь? Предупредить о возможных неприятных последствиях открытого упоминания алхимии, привести несколько примеров? Слишком безыскусно, типичное стариковское ворчание, ни один молодой человек не станет читать дальше первого абзаца... «Нужно начать сразу с чего-то очень сильного, чтобы тут же привлечь внимание читателя», – подумалось Абрахаму. Он попробовал мысленно составить красочное описание вещего сна, приснившегося ему как-то весной несколько десятилетий назад, когда он ещё не помышлял ни о каких тайных науках: освещённое языками пламени подземелье, наряды жрецов, оживший урей на головном уборе каменной статуи фараона... Штрихи на библиотечной карточке стали складываться в незнакомое лицо. Профессор вздрогнул и, бросив ручку на стол, с некоторым усилием стёр образы давнего сна с экрана воображения. При этом освободившееся место тут же занял блеклый контур некоего человека в больничном халате, сосредоточенно пишущего что-то огрызком карандаша – персонаж прочитанного прошлой осенью переводного русского романа. «Чего доброго, ещё примет меня за сумасшедшего или старого маразматика, – подумал он. – Ладно, начну с начала. Судя по всему, Айзек (таково было имя студента) знаком с алхимической классикой и ему должно быть известно, как герметики обращаются друг к другу». Вздохнув, он придвинул к себе клавиатуру и набрал следующий текст:

«Дорогой Филалет!

Утверждение, будто узкая специализация составляет серьёзную проблему современной жизни, скорее банально, но при ближайшем рассмотрении демонстрирует противоречие. Безусловно, привязанность к одному и тому же специфическому аспекту человеческой деятельности, превращение его из составляющей повседневной рутины в рутину как таковую, а, в конце концов, и в саму жизнь за пределами физиологических процессов, обедняет человека, лишает его широкой перспективы, делает ограниченным и скучным; максимальная погружённость сознания в любой предмет – финансы, программирование, электромеханику – столь необходимая для достижения успеха в современном специализированном обществе, согласно традиционному взгляду на вещи, приводит к слиянию этого предмета с субъектом, в результате чего появляются хорошо знакомые нам люди-деньги, люди-компьютеры, люди-автомобили и другие андрюиды, кои в большинстве своём составляют современный социум. Однако на такое банальное замечание любой из специалистов даст не менее банальный ответ: «Зачем тратить свои силы на что-либо ещё, если моя специальность даёт мне возможность есть, пить и развлекаться в свободное время? Зачем занимать это самое драгоценное время какими-то бесполезными вещами, которые ничего не прибавят мне из того, что необходимо для жизни?» Возразить тут особенно нечего, поскольку в пределах современной парадигмы «широкая перспектива», «воображение» и подобные понятия, даже если воспринимаются не совсем как пустой звук, ни в какой мере не относятся к жизненно необходимым вещам, ибо сама эта «жизненная необходимость» определяется наполнением, каковое понятие *жизнь* получает в соответствующем цивилизационном контексте. Как правило, даже современные музыканты и художники не знают и не способны ясно представить себе философские взгляды и убеждения авторов прошлого, чьи произведения они исполняют или коим подражают, им неизвестны или непонятны мировоззренческие мотивы, двигавшие создателями шедевров, на которые их заставляет равняться та или иная школа искусства, не говоря уже о других видах человеческой деятельности. Но

разве это мешает им быть «хорошими специалистами», ловко водящими смычком и кистью под аплодисменты публики, кою подобные вопросы волнуют примерно в той же степени, что и их кумиров? Круг замыкается, и всякая критика и увещевания в этих условиях имеют смысл не больший, чем попытки объяснить пингвину, кормящему птенцов переваренной рыбой, что понятие еды, в принципе, гораздо шире. Однако, если современный специалист в силу тех или иных причин выходит за пределы этого замкнутого круга, определяемого ценностями технократической цивилизации, и задаётся вопросами, связанными с традиционными инициативными путями *освобождения* или *спасения*, упомянутая ограниченность становится весьма серьёзным препятствием на его пути – притом препятствием, неизвестным людям древности, Средневековья и Ренессанса.

Нынче принято говорить, что людям прошлого было свойственно «холистическое восприятие мира», и что наиболее передовая современная наука и философия также склоняется к холизму, то есть к интегральному видению Вселенной, восприятию её «как единого целого», даже допускает наличие в ней некоего «космического разума» и т. д., и т. п. Однако всё это не более чем политические заявления, свидетельствующие о том, что в современном научном мировоззрении наметился вполне реальный кризис; за этими словами скрывается такое же видение выхода из положения, как в криках «пожар!» человека, проснувшегося посреди горящего дома. Если сложить вместе физика, астронома, химика и биолога, такой индивидуум, вероятно, будет эрудитом, но не мудрецом, обладающим полнотой знания о Вселенной. Прибавление к нему антрополога, психолога и нейрофизиолога вряд ли коренным образом улучшит положение – притом, что в древности были люди, отличавшиеся подлинной глубиной познания мира и не знакомые ни с термином «холизм», ни с «современным научным методом». Никакая «интеграция» как объединение множества осколков не способна дать целое; чтобы получить его, следует вернуться к единице, однако такой шаг «назад» и «вглубь» для современного ума выглядит противоестественным.

В наш просвещённый век можно довольно часто наблюдать (как в интернете, так и в печатных изданиях) полемику между современными «алхимиками» на предмет сущности исповедуемой ими дисциплины – юнгианцы клеймят позором глупых лабораторных кочегаров, не понимающих сути учения, каковая состоит в интеграции с «бессознательным», последние смеются над юнгианцами как над болтунами, сводящими Делание к туманным словесным спекуляциям вместо того, чтобы посвящать время дистилляциям и прокаливанию, от обоих презрительно отмахиваются последователи Тантры или даосских школ, получающие свой камень через сексуальные и медитативные практики. В то же время, члены различных «орденов», «лож» и «братств», гордо взирая на несертифицированных любителей, видят в алхимии всего лишь ещё одну «тайную науку», один из школьных предметов, который надо вызубрить по учебнику, старательно повторяя описанные в нём ритуалы, чтобы в итоге получить диплом об успешной сдаче всех магических дисциплин – вместе с мантией, волшебной палочкой и прочими атрибутами «успешного мага» впридачу. К сожалению, узость мышления, характерная для современного «двухмерного» индивидуума (даже если он считает себя адептом древней науки), не позволяет объяснить всем этим людям, что они заблуждаются, притом идентичным образом.

Человек, занимающийся, скажем, конструированием компьютерных систем и, в то же время, пишущий живым и не лишённым образности языком технические книги, при внимательном и отвлечённом взгляде на свою деятельность непременно обнаружит в обоих творческих процессах определённое сходство. Человек, не облечённый талантом, создающий музыкальные произведения сложнее популярных песен (то есть, имеющий дело с развитием музыкальной темы, обращениями, инструментовкой, динамическими оттенками и прочим), если он при этом также имеет литературный опыт в области относительно крупной формы (выходящей за пределы любовной лирики или рассказа), взявшись по какой-то причине анали-

зирать свой творческий процесс, обязательно заметит сходство между упомянутыми видами творчества. Человек, объединяющий в себе двух таких людей (что очень сложно представить себе в нынешние времена), с удивлением отметит, что вся его деятельность протекает в соответствии с некими общими принципами, эффективность которых подтверждается во всех случаях. Иными словами, неспециалист, владеющий достаточными навыками и опытом в нескольких сферах сложной творческой деятельности, в отличие от специалиста (несмотря даже на явное преимущество последнего в отдельно взятой области), обладает потенциальной возможностью сформулировать общие черты и ключевые моменты процесса создания произведения – поэмы, симфонической пьесы, электронного устройства – совокупность которых представляет собой его *творческий метод*, то есть частный импринт творческого метода как такового, имеющего некие общие черты для всех творческих субъектов и, следовательно, способный служить для них ориентиром. Точно так же, как *Трактат о живописи* да Винчи содержит важные инструкции, которые необходимо знать живописцу независимо от того, в какой мере он хочет или не хочет подражать Леонардо, и каковые также помогают не только создавать, но и понимать живопись, так и представление более общего творческого метода способно служить пониманию творчества и давать практические ориентиры в совершенно разных областях.

Сидя на целом ворохе «исторических фактов» и «документальных свидетельств», глупо спорить с тем, что, за исключением самых безнадёжных раздувателей угля, алхимики в лабораториях (даже при наличии таковых) не занимались получением химического золота, они лишь *проверяли* положения и выводы герметической философии на химических субстанциях. При этом, некоторые из них (достаточно упомянуть Иоганна Глаубера и Роберта Бойля) полученные результаты превратили в технологические разработки, имеющие важное прикладное значение в рамках современной химии – точно так же, как Лев Термен, создатель *терменвокса* и «отец электронной музыки», не имел ни малейшего намерения делать карьеру в области конструирования музыкальных инструментов или, тем более, способствовать рождению нового направления в искусстве; его изобретение стало результатом экспериментального приложения интересовавших его физических принципов в сфере музыки. Тот факт, что бо́льшая часть научной биографии Исаака Ньютона, если так можно выразиться, написана на алхимической бумаге, а двадцать лет его жизни были посвящены исключительно этому искусству, является не «пережитком тёмных веков» и не признаком тихого помешательства, как то стараются представить некоторые исследователи, но самоотверженной попыткой гения получить «интегральную» или «холистическую» картину мира путём интерпретации феноменов соответственно методу, коий он считал истинным, и отдельные фрагменты каковой незавершённой картины «адепты современной науки» смогли оценить лишь в узком контексте физики и математики. Таким образом, алхимия представляет собой *метод par excellence*, одинаково успешно приложимый в областях производства виски, изготовления цветного стекла, промышленной химии, фармацевтики, пивоварения и создания научных теорий. При этом, в инициативной сфере, породившей это явление, и в согласии с её законами, алхимия – будучи искусством прежде всего и наукой лишь в том смысле, который выходит за рамки современной парадигмы – в форме герметико-алхимического учения являет собой метод создания совершенного произведения, каковое в пределе идентично творческому субъекту, или *artifex*. Иначе говоря, посредством алхимии алхимик создаёт *себя*, то есть нумеральное Я, кое и есть *Золото Мудрых* и главная цель всякого Делателя, ставшего на этот путь. Любые интерпретации данного учения как специальной дисциплины являются ошибкой, поскольку метод не идентичен частному приложению и не может быть адекватно представлен в его терминах. Таковые термины (например, «химические» или «эротические») могут использоваться лишь в качестве элементов символического языка, каковой единственно применим в подобном случае. Ещё бо́льшим заблуждением являются попытки «примирить» алхимический герметизм с современной наукой, поскольку бессмысленно и некорректно представлять один метод посредством

другого; иначе говоря, алхимия не только не может быть втиснута в прокрустово ложе химии или психологии, но она – *антипод* современной науки как таковой, ибо отрицает так называемый «научный метод», сущностно являясь его конкурентным антагонистом. При этом алхимическая литература в каждом конкретном случае представляет собой *частную репрезентацию* данного метода, изложенную посредством символов, вследствие чего алхимические тексты могут различаться внешне, сохраняя полную когерентность с точки зрения герметико-алхимической традиции».

Когда гудение принтера прекратилось, Абрахам аккуратно согнул страницы и, не подписавшись, вложил их в конверт со штампом кафедры. «В конце концов, обратный адрес есть на штампе, а любая подпись под этим письмом была бы фальшивой», – объяснил он себе такой поступок.

II

На следующей лекции через неделю странный студент отсутствовал. Мистер Абрахам не придавал этому факту особого значения, поскольку голова его была занята гораздо более насущными проблемами, связанными с тестами, приближающимся окончанием семестра и прочими университетскими заботами. В этот день он вернулся домой позже обычного; супруга, которая уже успела пообедать, разогрела ему еду и ушла говорить по телефону. Оставшись один в столовой, профессор налил себе полбокала красного вина и, ковырнув ножом фальшивую соевую отбивную, вспомнил про Айзека. «Заболел, вероятно, – подумал мистер Абрахам. – Или прогуливает с какой-нибудь... Интересно, а как на вкус телячий стейк с кровью или бараньи рёбрышки? Мне уже трудно припомнить». Он отхлебнул вина. Раздумывая о том, как студент воспринял его письмо и каким будет его ответ, тайный алхимик решил перечитать своё послание ещё раз после обеда.

Закрывшись в кабинете, он сделал бумажную копию текста, поскольку не любил читать с экрана, и уселся в глубокое кресло у торшера. «Н-да, тут заложено больше вопросов, чем дано ответов», – констатировал профессор через некоторое время, пытаясь добросить стопку страниц до письменного стола. Листы мягко спланировали на пол. «Если алхимия – метод, чем тогда является герметизм? И если этот метод приложим к любой человеческой деятельности, на что конкретно его следует направить ставшему на путь Царского Искусства? Почему истинные адепты избегали слова «алхимик» и называли себя Философами?.. Вероятно, мне надо было хотя бы в общих чертах прояснить эти вещи», – вздохнул мистер Абрахам и, потирая ноющий висок, пересел за компьютер.

«Дорогой Филалет!

Позволю себе несколько замечаний в дополнение к предыдущему письму.

Основанием всякой сознательной деятельности, в том числе и интеллектуальной деятельности философа, служит мировоззрение (а *бытие* философом есть подлинное действие – в отличие от защиты диссертаций, чтения лекций и публикации статей, что суть не более чем механические элементы общественной рутины, не имеющие отношения собственно к *любому*). Мировоззрение, будучи инвариантом (поскольку истинный субъект неизменен), по большей части воспринимается нашим «я» как некое состояние ума, соответствующее его знаниям, убеждениям, воспитанию и знакам времени. В контексте единой реальности это всё же не состояние ума, а его вектор, то есть линия, соединяющая точку пребывания «я» в пространственно-временном континууме с той точкой на его границе, которая определяет направление от ложного субъекта к субъекту, мыслимому как истинный («трансцендентная цель»). Геометрически это определяет бесконечное количество точек входа и выхода и всего два варианта конечного результата движения: либо истинный субъект, либо небытие.

Герметическая философия, или Философия с большой буквы (надо же как-то отличать любовь к мудрости от любви к рассудочным спекуляциям), в течение тысячелетий служит основанием деятельности магов и алхимиков. Этот единый интеллектуальный исток, на определённом уровне достижений сливающийся с метафизикой (поскольку трансценденция действия как такового неизбежно ведёт к метафизике), является – без преувеличений – живительным родником всей европейской цивилизации. В герметической традиции принято различать две условных ветви герметического дерева – *магию* и *алхимию*, то есть область манипулирования волей и область чистого гнозиса. Однако эта дихотомия «внутреннего Делания» через познание и обретение свободы при помощи операций в области феноменального весьма условна. Связь феноменального и метафизического является объектом познания в той же мере, в какой реализация триединства объекта, субъекта и процесса познания является частью магического пути. Воление, направленное на достижение высшего знания – знания Я – лежит в основе как алхимии, так и магии, кои в трансцендентной перспективе сливаются в единый путь освобождения. Алхимик, отрицающий магию, ничего не знающий о ней или просто не являющийся хотя бы в небольшой степени магом, никогда не покинет пелёнок банального пафферства, какими бы значительными на профанный взгляд не казались его достижения в сфере химических манипуляций или спекулятивной философии. Точно так же и маг, которого интересует лишь «могущество», мало чем отличается от деревенской колдуньи, желающей заполучить молодого жениха посредством искусно приготовленного фильтра. Характерное для ренессансной алхимии декларативное отрицание магического объясняется отчасти набирающим силу духом позитивизма, отчасти христианизацией (или семитизацией) герметического учения; отчасти же, как и всякое отрицание, начиная с первого «падшего ангела», оно коренится именно во внутреннем родстве отрицаемому источнику, в глубинной сопричастности ему.

Вообще, может ли быть христианской алхимия? Может, конечно, поскольку даже если Христос не поощряет и не оправдывает поклонения Гермесу, сам Гермес ни в коей мере не станет препятствовать попыткам извлечь драгоценную пыль из карманов этого великого нищего. Хотелось бы только предостеречь верующих от принятия на веру слов и клятв средневековых адептов. Так, Фламель – то есть настоящий автор приписываемых ему произведений – никак не «верный католик» (если только под католицизмом не понимать подлинную *всеобщность*, то есть Единство Сущего), равно как и большинство средневековых алхимиков, которые лишь в силу обстоятельств вынуждены были надевать маску религиозности и пользоваться символическим языком христианского мифа; впрочем, среди ренессансных делателей можно найти авторов, подходящих на роль «алхимиков-христиан», хотя большинство из них были при этом противниками католической церкви (не будем забывать, что розенкрейцерство неотделимо от протестантизма и Реформы).

Следует признать, что христианский миф предоставляет нам вполне адекватную систему символов для выражения герметической доктрины; кроме того, герметические школы, наследующие подлинную дохристианскую «языческую» традицию, в своей вводной практике для неофитов часто используют библейские тексты в качестве «моста», по которому потомки многих поколений, воспитанных в парадигме авраамического монотеизма, могут добраться до истоков древней традиции. Ведь даже в современном европейском мышлении большинство алхимиков XX века незаслуженно блекнут на фоне Фулканелли, хотя в действительности он не более чем его предшественники был озабочен ультрамонтанскими настроениями, несмотря на тематику своей первой книги и псевдоним. Парадигма даёт о себе знать именно при попытке выйти из неё (так, мы сталкиваемся лицом к лицу с государством в основном при пересечении границы или нарушении общественных норм поведения). Никто из реальных людей, стоявших за мифической фигурой этого самого популярного (sic!) французского адепта, не соответствовал образу «добротного католика» и не имел желаний ему соответствовать. Надо признать, что

христианство в данном контексте играет роль «исторических обстоятельств», некоего труднорастворимого осадка, что оставляет за собой улетающий дух божественного откровения, причём это же можно сказать и о всякой другой религии; вообще говоря, алхимику религия нужна так же, как автобусный билет нужен человеку, который умеет летать. Однако в отсутствие знания Первопринципа хотя бы в его частных аспектах и грубой материалистичности мировоззрения, характерной для нашего времени, этот *caput mortuum* религиозной веры не следует презрительно отвергать; он может сослужить добрую службу. И не спешите говорить, что к тебе это не относится: печать забвения и глухоты, которой современная душа отмечена с детства, не так легко вытравить простым чтением книг – если только тебя, дорогой друг, не коснулся уже своим кадуцеем крылатый бог...»

Мистер Абрахам поставил дату в правом углу, и руки его замерли над клавиатурой, как крылья бабочки, не уверенной, стоит ли ещё задерживаться на этом цветке или пора лететь дальше. «Чёртова подпись, – подумал профессор. – Всё выглядит так, будто я заговорщик или террорист. Глупость какая-то. А ведь он уже, вероятно, догадался, кто автор, если прочёл предыдущее письмо. Хотя... Это как раз и стоит пояснить». Он удалил дату со страницы, и пальцы вновь застучали по клавишам.

«Следует сказать, что вопрос воровства – важнейший вопрос, лежащий в основе нашей Философии. Каждый из нас, ставших на путь Царского Искусства, обязан прежде всего Гермесу за всё, что случилось в его жизни; в жертвоприношениях этому богу состоит начало пути. Гермес, бог воровства, возвращает людям то, что с точки зрения Абсолюта украдено у него и что (абсолютно) составляет единственную неиерархическую ценность. Ревность Творца, с наибольшей ясностью сформулированная иудеями в их сакральных памятниках (Торе и Талмуде), направлена исключительно на сохранение ценности и является прямым следствием порождения таковой. «...Теперь как бы не простёр он руки своей и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» (Быт. 3:22) – вот где истинное падение, а совсем не изгнание человеческой пары из Рая. Бытие богом – или с богами – с тех пор волнует всякую пробудившуюся душу (то есть вызывает её дисбаланс) и составляет побуждающий мотив любого пути, как бы его ни называли в ходе существования. Итак, прежде всего, тебе необходимо осознать, что истинным поводом для кражи послужило не что иное, как возникновение ценности и, следовательно, иерархии, и кража эта может быть искуплена только другой кражей, каковая восстановила бы *status quo*, обратив зеркальную тождественность иерархического верха и низа в их фактическую идентичность, в единую «сверхценность», каковая деактуализирует всякую иерархию, поскольку больше нечего достигать и нечего терять. Для покорившего Древо Жизни нет изгнания и наказания, поскольку Эдем повсюду и нет иного места, кроме Эдема; для него нет запретов, ибо некому налагать их, ведь он – единственный в Эдеме; птицы, звери и рептилии в его саду безоговорочно подвластны ему, потому что он сам – Эдем, безграничная радость и полнота.

Теперь есть смысл остановиться на отличии алхимика от герметика, весьма скользком вопросе. Соотношение «теория – практика» здесь в плохом смысле спекулятивно (хотя я сам имею привычку его употреблять), поскольку глупо мыслить практику без теории, то есть воображать растение без корней; всякий практикующий алхимик основывает свои действия на понимании герметической философии, которого он достиг на данном этапе своего становления. Нет, упомянутое различие имеет скорее временной характер: герметик – человек, совершающий приношение Гермесу; алхимик – человек, пытающийся с помощью Гермеса совершить самую большую кражу. Для того, чтобы стать полноценным алхимиком, следует сделать Гермеса своим сообщником, то есть суметь вступить в сговор с этим умнейшим и хитрейшим обитателем Олимпа; только при его содействии можно завершить *Opus*.

Великое Делание сродни планированию и осуществлению побега. Оно требует всего нашего времени, всей нашей личности. Мы составляем и оттачиваем план бессонными ночами; провалившись в сон, мы крадёмся воображаемыми коридорами, отвлекаем внимание стражи, взламываем замки и перерезаем колючую проволоку. В часы бодрствования, надев робу повседневного существования, мы улыбаемся коллегам и соглашаемся с начальством, изображаем радость от выигранного футбольного матча или возмущение словами одиозного политика, но внутри мы сосредоточены на одном: не пропустить лазейку, найти щель в этом сновидении, именуемом «реальностью», его слабое место, дыру в системе безопасности, ветхую дверь, забытый подземный ход... Иными словами, наша диспозиция по отношению к внешнему миру и социуму напоминает поведение нелегалов, работающих «под прикрытием». И если осторожности требует разработка плана проникновения на запрещённую территорию, то вдесятеро большая осторожность нужна для осуществления такого плана. Именно сей цели служат хитроумные мистификации и ложные следы, из которых состоит официальная история нашего искусства. К тому же, как ты непременно убедишься сам в ходе этого самого увлекательного из приключений, человеческие имена ничего не значат, даже когда они соответствуют не фальшивым документам, а самому праведному и подлинному паспорту. В *нашем* мире не имеют никакого смысла свидетельства о рождении, составленные на бумаге, а также имена, присвоенные нам другими.

У некоторых неофитов возникает вопрос: возможно ли получить Философский Камень попутно, не стремясь к этому, так сказать, *gratis*? Нет, конечно; вследствие вышеупомянутых причин ответ будет только отрицательным. Однако на *камень философов* можно набрести совершенно случайно; равно как и разгадать некоторые арканы Делания и отчасти *modus operandi*, но завершить делание неосознанно, не стремясь к этой цели самоотверженно и ежесекундно, нельзя. Являлся ли Артюр Рембо герметиком? Альфред Жарри? Раймон Руссель? Да, безусловно, так как значительная часть их личности была посвящена Гермесу. Однако же, говоря строго, этих людей нельзя назвать алхимиками. Они весьма сдержанно пользовались своим даром и по ходу жизненного анабасиса не предъявляли прав на запретный сад, где растёт Древо Жизни. Однако бывают и другие авторы, которые, маскируясь под писателей – сатириков, сказочников, новеллистов – создают произведения, вполне соответствующие категории «алхимических трактатов», и лишь их литературные достоинства да невежество непосвящённых помогают этим работам скрываться среди художественных книг. Таковы *Гаргантюа и Пантагрюэль* Рабле, *Питер Пэн* сэра Джеймса Барри, *Пиноккио* Карло Коллоди, *Комическая история государств и империй солнца* Серано де Бержерака, *Гипнеротомахия Полифила* Франческо Колонны и многие другие. Но были ли алхимиками их авторы? Я не могу ответить на этот вопрос; и, вероятно, никто не может, поскольку, не заглянув во внутренний атанор художника, нельзя с уверенностью сказать, что именно там варится – первоматерия Философов или капустный суп. Хотя, ведь садовая капуста – растение, посвящённое Гермесу...»

В этом месте мистер Абрахам оторвал глаза от экрана и, устремив их в небо над старой яблоней во дворе, в ломком силуэте которой уже начали угадываться почки, вспомнил один удивительный пример слияния творческого вымысла и человеческих судеб, каковой может позволить даже самым унылым и твердолобым адептам случайной вселенной заметить на стенах обыденности тени жителей Олимпа и услышать эхо их вселенских пиров.

Несколько лет назад он прочитал сатирическую повесть русского писателя прошлого века, написанную в духе средневекового гротеска, в которой один из главных героев, профессор медицины, занимался омоложением пациентов путём пересадки им половых желёз обезьян. Несмотря на фантастичность сюжета этого произведения, вряд ли стоит сомневаться, что прототипом врача-героя повести был реальный человек – бывший соотечественник автора Серж Воронов, директор лабораторий Коллеж-де-Франс, известный всей Европе

своими попытками продления человеческой жизни упомянутым способом и даже ставший в результате этих попыток героем карикатур. Воронов был женат на француженке Луизе Барб, обаятельной молодой девушке-химике; в свою очередь, Луиза дружила с Ирен Гилель-Эрланже, дочерью банкира и женой известного композитора Камиля Эрланже. Ирен принадлежала парижской богеме и была пламенной поклонницей дада и сюрреализма; она эпатировала высшее парижское общество, принимая у себя Тристана Тцару, Сен-Джона Перса, Поля Элюара и Жана Кокто, а также не чуралась вечерних возлияний с Луи Арагоном и компанией в кафе на Пляс Бланш. При этом Ирен сама была творческой личностью: она сочиняла весьма недурные стихи под псевдонимом Клод Лорреи, а также стала первой женщиной-сценаристом, писавшим для кинематографа. В 1919 году Ирен опубликовала небольшой роман под названием *Путешествия в Калейдоскопе*, обложку для которого выполнил её друг Кеес ван Донген; на первой странице книги стояло посвящение «Л.Б.», за каковыми инициалами нетрудно угадать имя лучшей подруги писательницы. Вскоре после выхода книги умер муж Ирен; она пережила его всего на полгода. След Луизы Барб теряется несколькими годами ранее; вполне вероятно, она умерла ещё до публикации посвящённого ей романа (Серж Воронов женился вторично в год выхода книги). Такова внешняя сторона вещей: немного комедии, немного трагедии, немного истории искусства начала прошлого века – несколько смутных фигур, растворяющихся в предвечернем свете ренуаровского городского пейзажа. Но за этим холстом находится потайная дверь, ведущая в совсем иную реальность, подобно магическому калейдоскопу из романа Ирен Эрланже, что трансмутирует образы воображения наблюдателя в их истинную суть, проецируемую на экран.

В 1909 году в Париже был возрождён Храм Ахатхор No.7, первоначально учреждённый Макгрегором Матерсом в 1893-м и замороженный в 1900-м в связи с созданием Розенкрейцерского Ордена Альфа-Омега. Премонстратором в Храме после его вторичного открытия стала *Soror Semper Ascenders*, в миру Маргарита Луиза Барб-Бирд (таково полное имя первой жены Воронова). Одновременно с этим Маргарита была сотрудницей крупнейшей химической компании «Рон-Пулен»; там же работал Гастон Соваж, участник малочисленного закрытого сообщества искателей, известного под именем Братства Рыцарей Гелиополиса (*F.C.H.*), кое возглавлял Фулканелли. Некоторые современники Маргариты утверждали, что она в действительности приходилась дочерью Фердинанду де Лессепсу, руководителю проекта Суэцкого канала; несмотря на то, что её имя отсутствует в известном списке официальных наследников этого выдающегося человека, в доме де Лессепсов её действительно принимали как родную, и она была постоянным участником хорошо известного в артистических и литературных кругах «салона де Лессепс» вместе со своей подругой Ирен, а также художником и инженером Жюльеном Шампанем.

Ирен Гилель-Эрланже, урождённая Гилель-Маноах, происходила из древнего сефардского рода Камондо, рода раввинов и сказочных богачей. Камондо были изгнаны из Испании в конце XV века при королеве Изабелле, после чего семья осела в Венеции, где в течение нескольких столетий её члены пользовалась известностью благодаря своей необычайной образованности и богатству. После захвата Венеции австрийцами в 1798 году Камондо перебрались в Константинополь. Здесь, несмотря на ограничения, налагаемые турками на деловую активность национальных меньшинств, семейство процветало, не испытывая недостатка в золоте. Чуть более полувека спустя Абрахам Саломон де Камондо стал главным банкиром Османской Империи и заслужил славу «восточного Ротшильда», а также приставку «де» к своему имени, пожалованную ему итальянским королём Виктором Эммануэлем II вместе с графским титулом; он был прадедом Ирен Эрланже по материнской линии. Ирен – как и все в семье – воспитывалась в духе хасидизма, она была знатоком каббалы и иудейского закона. В дополнение к этому она живо интересовалась западной эзотерической традицией (цитаты из работ её любимого автора Станисласа де Гюайта неоднократно встречаются в романе).

Один из хозяев дома, где собиралась упомянутая компания, Бертран де Лессепс, как и его отец, Фердинанд, весьма серьезно интересовался алхимией. У него была хорошо оборудованная алхимическая лаборатория на улице Вернье, которую он предоставил в пользование Жюльену Шампаню. Эта лаборатория, согласно некоторым свидетельствам, стала местом гибели Маргариты Барб вследствие неудачного эксперимента четыре года спустя, в 1910 году. Однако Эжен Канселье, другой член Братства Гелиополиса и верный оруженосец мастера, в книге *Deux Logis Alchimiques* приводит фотографию таинственной «девушки в деревенском платье», на которой и запечатлена *Soror Semper Ascenders*, и замечает, что фотография была сделана в 1913 году. Существуют также упоминания мадам Барб в добром здравии, относящиеся ко времени выхода *Путешествий в Калейдоскопе*; тем не менее, никаких достоверных сведений о том, когда и при каких обстоятельствах закончилась жизнь первой супруги Сержа Воронова, найти невозможно.

Кем была Маргарита Луиза для Жюльена Шампаня – другом, коллегой или чем-то большим – сейчас трудно определить. С уверенностью можно сказать только одно: она стала моделью для его самой известной картины *Сосуд Великого Делания*. Обнажённая девушка, символизирующая *нашу материю* – это Луиза Барб, *Margarita pretiosa* французского мастера.

Уговорить мужа отпускать Луизу на сеансы обнажённой натуры для виртуоза мистификаций и подделок Жюльена Шампаня не составляло большого труда. Однажды на вечере у де Лессепсов Воронов был представлен кумиру своей супруги. Сергей Абрамович, химик и врач по образованию, испытывал неподдельный интерес к тайным наукам и к алхимии в частности (здесь, быть может, определённую роль сыграло его почти пятнадцатилетнее пребывание в Египте); неудивительно, что разговор между новыми знакомыми зашёл о хризопее, и художник довольно быстро сумел убедить учёного, что тот имеет дело с адептом, завершившим магистерий и достигшим успеха в получении *Medicina Universalis*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.